

БИЗНЕС КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Д.Б. Тев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.3>

Аннотация. *Анализируется роль бизнеса как источника рекрутирования федеральных административной и политической элит России. Эмпирической основой исследования служат база данных федеральной административной элиты, включающая 575 персон (президента, ключевых деятелей его администрации, федеральных органов исполнительной власти и аппарата правительства), и база данных депутатов Государственной Думы РФ шестого созыва (всего 532 персоны). Выходцы из бизнеса (лица, имевшие постсоветский опыт работы на ключевых позициях в коммерческих структурах) существенно представлены среди федеральных политиков и администраторов. Плутократическое рекрутирование наиболее характерно для политической элиты, которая теснее интегрирована с экономически господствующим классом, чем законодательные элиты большинства европейских стран. В свою очередь, административная элита является более профессионализованной, более обособленной и автономной от бизнеса в плане источников рекрутирования, ее плутократизация носит более низкий уровень и более косвенный характер. В общем выходцы из бизнеса имеют гораздо более широкий и прямой доступ во второстепенную и слабо влияющую на государственную политику парламентскую элиту, чем в административную элиту, которая сосредоточивает в своих руках основную власть. При этом заметны различия между внутриэлитными сегментами: уровень плутократизации фракций «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР выше, чем КПРФ, а правительства — выше, чем администрации президента. Исследование показало, что лишь небольшое меньшинство федеральных политиков и администраторов вышли из среды топ-менеджеров крупнейших компаний и богатейших бизнесменов страны, то есть экономической элиты общероссийского уровня. Значительное присутствие в*

составе политико-административной элиты, прежде всего депутатского корпуса, персон с опытом работы на ключевых постах в бизнесе может быть отчасти связано с «кумовским» характером российского капитализма, при котором политические связи являются важнейшим условием успешного накопления капитала. В свою очередь, плутократизация властных групп может существенно сказываться на характере проводимой ими политики, обуславливая преимущественный учет интересов бизнеса в ущерб интересам других социально-экономических групп, слабо представленных в элите.

Ключевые слова: федеральная административная элита, федеральная политическая элита, бизнес, рекрутирование, Государственная Дума, правительство, администрация президента, плутократизация.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-профессиональные источники рекрутирования властных групп и, в частности, роль бизнеса как поставщика политико-административной элиты являются важным предметом исследования в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, как отмечал Р. Патнэм, «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. Анализ социально-профессионального бассейна рекрутирования и состава политико-административной элиты и, в частности, роли бизнеса как источника ее пополнения позволяет лучше понять особенности общественной системы, в рамках которой происходит рекрутирование элитных персон (включая характерные для нее взаимоотношения государства и экономики, власти и бизнеса).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение государственных деятелей (чиновников и депутатов) может в некоторой степени влиять на их политические аттитюды и поведение, а следовательно, его знание может быть важным для объяснения и прогнозирования политики. Хотя многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость [Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski

1995: 210], некоторые зарубежные авторы на примере законодательной элиты все же показывают значимую связь между профессиональным происхождением и политическим поведением. Так, Н. Карнс установил, что американские конгрессмены, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам, тогда как законодатели — выходцы из рабочего класса выражают наиболее либеральные экономические предпочтения [Carnes 2012]. К. Витко и С. Фридман показали, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те, кто вышел непосредственно из этой сферы, вносят больше ориентированных на бизнес законопроектов. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии [Witko, Friedman 2008]. Также на примере Госдумы РФ П. Чейсти установил, что связь депутатов с определенными экономическими секторами (происхождение из бизнеса) является сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения [Chaisty 2013: 729–732].

Наконец, обмен руководящими кадрами между различными институциональными секторами (например, экономическим и политико-административным) служит важным показателем интеграции соответствующих властных групп и элит, создавая их динамические переплетения (сращивание, личную унию). Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В частности, наличие у политиков и чиновников опыта работы в бизнесе, а у бизнесменов — политического и административного опыта (и соответствующей профессиональной социализации) может при прочих равных условиях облегчать взаимопонимание и взаимодействие этих групп. В общем анализ роли бизнеса как бассейна рекрутирования чиновников и депутатов позволяет отчасти оценить степень интеграции политико-административной элиты и

экономически господствующего класса, включая бизнес-элиту как его высший слой.

Эмпирической основой исследования служат две биографические базы данных. Во-первых, база данных федеральной административной элиты России по состоянию на ноябрь-декабрь 2013 г. В состав административной элиты были включены президент и основные должностные лица его администрации (руководитель и заместители руководителя администрации, начальники управлений, полномочные представители президента в органах власти и федеральных округах, секретарь совета безопасности и его заместители, помощники и советники президента, уполномоченные при президенте по правам ребенка и защите прав предпринимателей, руководитель протокола президента, начальник референтуры президента, руководитель канцелярии президента, руководитель секретариата руководителя администрации президента), члены правительства (председатель правительства, его заместители, федеральные министры), заместители министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также руководство аппарата правительства (руководитель и его заместители, полномочные представители правительства в органах власти, директора департаментов, руководители секретариатов). Всего в базу данных вошло 575 персон (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав федеральной административной элиты России, чел.

Административные органы	Число элитных персон
Президент	1
Администрация президента	66
Правительство	31
Аппарат правительства	44
Министерства	160
Федеральные службы и агентства	300
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575

Во-вторых, база данных депутатов Государственной Думы РФ шестого созыва, включающая всех парламентариев, работавших в ней в период с 2011 по 2016 г. (в т.ч. и досрочно покинувших легислатуру и занявших их место законодателей). Всего в базу данных вошло 532 персоны (см. табл. 2).

Таблица 2

Состав Государственной Думы РФ шестого созыва, чел.

Группа депутатов	Численность
Фракция ЕР	289
Фракция КПрФ	104
Фракция СР	74
Фракция ЛДПР	65
Всего депутатов	532

На каждую из вошедших в базу данных властных персон была заведена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути (включая опыт работы в бизнесе), владении коммерческими структурами, родственных, дружеских и деловых связях. В качестве источников информации использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений, политических партий и пр., отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (например, vipperson.ru, lobbying.ru).

ВЫХОДЦЫ ИЗ БИЗНЕСА В СОСТАВЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Роль бизнеса как источника рекрутирования административной элиты и вообще практика обмена кадрами между коммерческой и административной сферами варьируется в разных странах. Так, для США характерен феномен «вращающейся двери»: чиновники нередко приходят из бизнеса и переходят туда после отставки, назначение выходцев из корпораций на ключевые правитель-

ственные посты здесь довольно распространенное явление. Так, согласно данным П. Фрейтага, за период с 1897 по 1973 г. 63,4 % членов американского Кабинета занимали элитные позиции в бизнесе до вхождения в должность, причем многие — непосредственно перед назначением [Freitag 1975: 148–150]. Другие, в том числе и более поздние, исследования также свидетельствуют о том, что правительственная и административная элита США включает немало выходцев из бизнеса, хотя их доля существенно различалась при разных президентах [Dye, Pickering 1974: 910–912; Martin 1994: 176–178; Domhoff 2006: 165–171; Etzion, Davis 2008; см. также: Химшиашвили 2017]. Впрочем, в большинстве других развитых капиталистических стран рекрутирование бизнесменов в правительственную и административную элиту является скорее исключением [Bermeo 2003: 197; Schmidt 2005: 53]. В среднем, 9 % министров стран Западной Европы были выходцами из среды промышленников и других бизнесменов [Thiebault 1991: 22]. В то же время обратное движение высокопоставленных чиновников в бизнес после отставки распространено в ряде государств, таких как Франция (так называемый «пантуфляж») и Япония (так называемое «амакуда-ри») [Rouban 1999; Hartmann 2010: 294–295; Calder 1989; Kerbo, McKinstry 1995: 89–95].

В России обмен кадрами между бизнесом и федеральной администрацией тоже получил распространение. С одной стороны, довольно типична практика перехода чиновников в бизнес-структуры после отставки [Huskey 2010b], а с другой стороны, за пределами государственных институтов высшее руководство коммерческих структур является наиболее значимым источником рекрутирования администраторов. Причем ряд исследований административной элиты показывает, что в 2000-е годы плутократическое рекрутирование чиновников распространилось шире, чем во второй половине 1990-х годов, когда, по авторитетным оценкам [Зудин 2006], государство находилось в симбиотических отношениях с олигархическим капиталом (впрочем, о том, что такие отношения не ушли в прошлое, говорит хотя бы феномен так называемых «друзей Путина», к которым относят Ю. Ковальчука, А. Ротенберга, Б. Ротенберга, Г. Тимченко и ряд других «олигархов» (см., напр.: [Шлейнов 2009]).

В частности, как отмечает Г. Гилл, «с течением времени произошел существенный рост числа людей с опытом в бизнесе» в правительстве: так, если в 1996–2000 гг. 19,7 % министров имели некоторый опыт работы в связанных с экономикой профессиях, то 2000–2004 гг. их было уже 23,1 %, а в правительстве, образованном в марте 2004 г. — почти треть (31,6 %) [Gill 2008: 159–161].

На сходную тенденцию указывают и другие исследователи, отмечая, что при В. Путине «присутствие представителей деловых кругов в новом истеблишменте стало более заметным, чем в период правления Бориса Ельцина», что «удельный вес выходцев из бизнеса в составе всех групп политической элиты (включая административную) за первые два года правления Путина вырос в шесть раз» [Зудин 2006; Крыштановская 2002: 25]. Впрочем, по более поздним данным, в постсоветский период доля выходцев из бизнеса в правительстве колебалась, не показывая явной тенденции [Semenova 2011: 913]. Проведенное в 2007 г. исследование 100 видных российских государственных чиновников (ключевых фигур президентской администрации, министерств и ведомств) показало, что выходцы из бизнеса составляли примерно треть их числа [Ролдугин 2007].

Более скромные цифры приводит Ю. Хаски, согласно которому в марте 2008 г. среди 86 высокопоставленных правительственных чиновников (премьер-министр, вице-премьеры, министры и заместители министров) 20 % имели опыт в работе бизнесе [Huskey 2010a: 364]. По данным О.А. Воронковой и соавторов, 25 % новых членов правительства, сформированного в 2008 г. после избрания президентом Д. Медведева, бывшие руководители профессиональных и бизнес-структур, непосредственно связанных с отраслевой направленностью министерства или ведомства (однако среди новых сотрудников аппарата президента выходцев из бизнеса гораздо меньше — всего 5 %) [Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 78].

Нынешнее исследование показало, что хотя доминирующей тенденцией рекрутирования административной элиты России является профессионализация (83 % администраторов перед вхождением в нынешнюю должность уже работали в административных,

обычно федеральных, структурах, а 70 % трудились в этих структурах перед занятием позиции, предшествующей ныне занимаемой должности), но опыт работы на ключевых постах в бизнесе, как видно из таблицы 3, имеет существенная доля — чуть менее трети чиновников¹.

Таблица 3

Постсоветский опыт работы членов элиты на ключевых позициях в экономических структурах, в %

Элитная группа	Наличие опыта
Административная элита, N=575	31
в том числе:	
Правительство, N=31	52
Администрация президента, N=66	32

Следует отметить, что эти цифры не учитывают распространенные случаи членства чиновников как представителей государства в советах директоров компаний, в том числе и в качестве председателей. Речь идет о вовлеченности в руководство предприятий, непосредственно не связанной с осуществлением функций государственного управления, обычно на профессиональной основе.

Как свидетельствует таблица 3, показатель плутократизации федерального правительства выше, чем административной элиты в целом. По сравнению с высшим органом исполнительной власти эта тенденция в меньшей степени затронула администрацию пре-

¹ Следует отметить, что плутократизация власти не ограничивается такой формой, как рекрутирование прямых или косвенных выходцев из бизнеса на должности в государственном аппарате. Чиновники также могут быть связаны с бизнесом косвенно, через родственников. Эта практика получила существенное распространение: например, сыновья руководителей трех силовых структур — ФСБ, ФСО и СВР — и жена одного из руководителей ФСКН занимали ключевые позиции в компаниях, контролируемых государством.

зидента, где мало должностей, ответственных за руководство экономикой. Важно отметить, что для существенной части нынешней административной элиты экономические структуры были основным местом работы в постсоветское время: каждый шестой ее представитель провел в них на различных позициях половину и более своей карьеры с 1991 г. до вхождения в нынешнюю должность. Примерно столько же чиновников работало в них не менее десяти лет, а 14 % членов элиты в постсоветское время занимали ключевые посты на предприятиях в течение пяти и более лет.

Впрочем, доступ бизнесменов в административную элиту является в основном опосредованным: как показывает таблица 4, прямых выходцев из бизнеса среди высшего чиновничества немного.

Таблица 4

Опыт работы членов элиты в экономических структурах, в %

Позиция на предприятии	Работа до занятия нынешней должности, N=554	Работа, предшествующая работе до занятия нынешней должности, N=541	Работа до занятия первой элитной должности, N=555
Ключевая	6	8	8
Неключевая	1	4	2

В большинстве своем персоны, получившие в постсоветский период опыт руководящей работы в экономических структурах, перед назначением на элитную административную должность имели также более или менее существенный административный опыт. В некоторых случаях они занимали сначала более низкие административные позиции, как, например, должность главы департамента или управления министерства (агентства или службы), а затем уже перемещались на ключевые должности. В общем на вершину административной власти за редким исключением попадают персоны не с чисто экономической карьерой, но уже прошедшие определенную профессиональную социализацию в административной системе, на федеральном или региональном уровне. То, что, высо-

копоставленные чиновники, как уже отмечалось, непосредственно рекрутируются по преимуществу из административной сферы, а доступ руководителей коммерческих структур в административную элиту является в основном косвенным, может служить одним из показателей ее автономии по отношению к бизнесу. Причем, если судить по степени плутократизации, у федеральной бюрократии эта автономия выше, чем у региональных администраций, которые более открыты для выходцев из бизнеса. В частности, как показало исследование, проведенное сектором социологии власти и гражданского общества СИ РАН по восьми субъектам РФ (Москве, Санкт-Петербургу, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской, Ростовской областям и Хабаровскому краю), 16 % региональных администраторов занимали ключевые позиции на предприятиях различных форм собственности до вхождения в нынешнюю должность, а у 23,5 % чиновников с руководством компаниями связана работа, предпредшествующая нынешней должности (хотя вариация по регионам значительна).

Следует отметить, что степень плутократизации административных кадров существенно варьируется в зависимости от функциональной специализации министерств и ведомств. В частности, выходцы из бизнеса очень редко встречаются в силовых структурах, характеризующихся особенно выраженной профессионализацией и закрытостью рекрутирования, среди заметных исключений — один из заместителей министра внутренних дел, ранее занимавший должность вице-президента АФК «Система». В целом немного руководителей с опытом работы в бизнесе и в руководстве органов исполнительной власти, ответственных за социальную сферу. Правда, в Министерстве культуры целый ряд высших должностных лиц, включая министра, имеют такой опыт. Примечательно также, что Федеральную службу по труду и занятости возглавляет чиновник с длительным стажем на ключевых управленческих должностях в крупных компаниях. В экономических, отраслевых министерствах, таких, например, как министерства транспорта, связи, энергетики, промышленности и торговли, строительства, выходцы, правда, в основном, косвенные, из бизнеса, часто из подведомственных отраслей, представлены наиболее широко, состав-

для большинства руководителей. Сходную картину мы видим и в ряде федеральных служб и агентств, занимающихся экономическими вопросами.

Эта тенденция закономерна, ряд факторов особенно благоприятствует плутократизации именно этого сегмента исполнительной власти. Во-первых, непосредственная зависимость бизнеса от таких министерств и ведомств и, как следствие, прямая заинтересованность во влиянии на их политику могут стимулировать усилия его представителей, направленные на то, что самим входить или подвигать своих коллег и подчиненных в руководство этих органов власти. Во-вторых, выходцы из бизнеса, обладающие не только управленческим опытом, но и специфической компетентностью, связями и авторитетом внутри своих отраслей могут быть особенно востребованы на руководящих постах в экономических (отраслевых) министерствах, эффективность деятельности которых зависит от знания подведомственной сферы и доверия со стороны тех, кто играет в ней ключевую роль. В-третьих, знакомства и связи, складывающиеся между чиновниками и менеджерами бизнеса в ходе систематического взаимодействия экономических, отраслевых министерств с компаниями (представители которых, в частности, входят в состав различных консультативных советов при этих органах власти), также могут способствовать обмену кадрами (как назначению выходцев из бизнеса на административные посты, так и движению отставных чиновников в бизнес). Такие назначения, даже если они и не создают опасность контроля регулируемых фирм и отраслей над регулирующими их ведомствами, по крайней мере повышает вероятность того, что политика органов исполнительной власти будет носить дружественный по отношению к бизнесу характер.

Из каких сегментов бизнеса рекрутируется административная элита? Размер, форма собственности и отраслевая принадлежность предприятий, в руководстве которых работали нынешние высокопоставленные чиновники, сильно варьируются. Особый интерес представляет вопрос о том, насколько среди административной элиты представлены выходцы из высшего руководства крупнейших предприятий и слоя богатейших бизнесменов, то есть из эко-

номической элиты общероссийского уровня, другими словами, насколько распространена горизонтальная межфракционная элитная мобильность?

Стоит напомнить, что во второй половине 1990-х контроль олигархии над государством, кроме прочего, выражался, и в назначении крупнейших магнатов капитала на ключевые административные посты (так, В. Потанин стал вице-премьером российского правительства, Б. Березовский — заместителем секретаря Совета безопасности). В нынешней административной элите мы видим только одного из богатейших (входящих в рейтинг Forbes) бизнесменов — миллиардера М. Абызова, занимающего должность федерального министра.

Примерно 4 % высокопоставленных администраторов в прошлом занимали на профессиональной основе ключевые должности в компаниях, входивших на момент работы в них нынешних чиновников в число крупнейших, по версии журнала «Эксперт». В частности, среди административной элиты мы видим бывших руководителей таких компаний, как «Норильский никель», «Оборонпром», «Аэрофлот», «Автоваз». Если же понимать переплетения между крупным бизнесом и властью шире, учитывая всех чиновников, занимавших в прошлом должности, как высших, так и неключевых менеджеров в компаниях, то увидим, что некоторые ведущие бизнес-структуры значительно переплетены с административной элитой.

Неудивительно, что среди них особенно тесно связанные с федеральной властью компании, основным или единственным собственником которых является государство. Так, 10 членов административной элиты имели опыт работы в структурах «Газпрома», шесть — РЖД, пять — ВТБ. Кроме того, в компаниях, входящих в ГК «Ростехнологии» (ныне — ГК «Ростех»), работало восемь нынешних высокопоставленных чиновников. Однако есть и существенно переплетенные с административной властью частные бизнес-структуры, прежде всего «Норильский никель», из недр которого вышли семь представителей элиты, включая двух членов правительства, и в меньшей степени «Альфа-групп» и «Северсталь». Впрочем, трудно сказать, насколько выходцы из крупней-

ших бизнес-групп, часто прошедшие перед назначением на нынешнюю должность продолжительную социализацию внутри административной системы, являются их лоббистским ресурсом. По крайней мере, наличие таких людей в административной элите может облегчать взаимодействие соответствующих бизнес-структур с государственной властью.

БИЗНЕС КАК БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (ДУМСКОЙ) ЭЛИТЫ РОССИИ²

Как показывают исследования, проведенные за рубежом, выходцы из бизнеса в разной степени представлены в парламентах различных стран. Бизнесменов довольно много в парламентах США и Великобритании [Norris, Lovenduski 1995: 185; Miller 1995: 58; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Witko, Friedman 2008]. Их широкое присутствие характерно также для парламентов ряда постсоциалистических государств Европы, в частности стран Балтии [Semenova, Edinger, Best 2014: 291]. В то же время доля выходцев из бизнеса в высших органах законодательной власти большинства стран Западной Европы, например Германии [Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74], сравнительно невелика (в среднем по странам Западной Европы она равнялась 12 % [Best 2006: 25]).

Что касается федерального депутатского корпуса России, то, как и случае с административной элитой страны, доминирующей тенденцией его рекрутирования является профессионализация: большинство (58 %) нынешних парламентариев на момент избрания в шестой созыв нижней палаты парламента, то есть с точки зрения своей предшествующей должности принадлежали к категории профессиональных политиков. Тем не менее бизнес в ГД систематически широко представлен, по уровню плутократизации она

² Этот раздел является переработанной и дополненной версией раздела статьи, опубликованной в 2017 г. в журнале «Экономическая социология» [Тев 2017].

существенно превосходит парламенты почти всех европейских стран. Так, по данным Е. Семеновой, выходцы из бизнеса составляли в среднем 35 % депутатов первых пяти созывов ГД [Semenova 2011: 913]. Согласно О.В. Гаман-Голутвиной, 36 % депутатов ГД шестого созыва были рекрутированы из бизнеса и менеджмента [Гаман-Голутвина 2012: 127, 130]. П. Чейсти выявил, что на долю бизнесменов приходится более трети членов фракции ЕР в Думе шестого созыва [Chaisty 2013a: 10].

Как показало нынешнее исследование (см. табл. 5), примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых должностях в экономических (коммерческих) структурах после 1991 г.

Таблица 5

Опыт работы депутатов на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Группа депутатов	Наличие опыта после 1991 г.	Работа на момент первого избрания в Госдуму	Работа на момент избрания в шестой созыв
Фракция ЕР	47	31 (29)*	16 (16)**
Фракция КПрФ	42	25 (23)	10 (10)
Фракция СР	63	38 (35)	27 (24)
Фракция ЛДПР	65	31 (26)	17 (17)
Все депутаты	51	31 (28)	17 (16)***

При учете также депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, доля представителей бизнеса возрастет до 56 %. Немало в парламенте и прямых выходцев из бизнеса. Как видим, примерно каждый шестой депутат занимал

* В скобках указана доля депутатов, у которых на момент избрания бизнес был основным местом работы.

** N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

*** N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

перед избранием в ГД шестого созыва ключевую должность в коммерческой структуре или был индивидуальным предпринимателем³. Причем с учетом крупных совладельцев фирм доля парламентариев, тесно связанных с бизнесом на момент первого избрания в ГД и вхождения в ее шестой созыв, достигнет 41 и 34 % соответственно. Таблица 5 также свидетельствует о наличии некоторых межфракционных различий: в составе фракции КПРФ выходцев из бизнеса меньше.

Кроме того, следует отметить, что по уровню присутствия бизнесменов федеральная политическая (думская) элита существенно превосходит рассмотренную выше административную элиту России (см. табл. 6).

Таблица 6

Опыт работы членов федеральных элитных групп на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Элитная группа	Наличие опыта работы	Работа до занятия нынешней должности
Административная	31	6
Политическая (депутаты ГД)	51	17

Высокий уровень плутократизации нижней палаты российского парламента может быть связан с рядом обстоятельств. Представляется, что важнейшее основание заинтересованности бизнесменов в парламентском представительстве заключается

³ Для сравнения: лишь примерно 1 % депутатов были рабочими на момент, как своего первого избрания в нижнюю палату, так и избрания в ее шестой созыв ГД. Судя по основному месту работы, не более 3 % депутатов на момент избрания в шестой созыв занимали неключевую позицию в экономических структурах (рабочие, специалисты, консультанты, низшие и средние менеджеры), причем нужно учесть, что некоторые из них были одновременно крупными акционерами компаний.

в существенной зависимости процесса накопления капитала от государственной власти и политики. Подобная зависимость присуща всем странам, но, вероятно, особенно сильно проявляется в таких государствах, как Россия, где, по распространенному мнению, сложился «кумовской капитализм» («капитализм для своих»), при котором политические связи, связи с государственной властью имеют первостепенное значение для успешного ведения бизнеса [Our crony-capitalism ... 2014; Волкова 2016; см. также: Faccio 2006]. В этом отношении мандат депутата может быть полезен, поскольку облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным персонам и дает возможность участвовать в законодательном процессе в интересах компании, отрасли и бизнеса в целом.

Некоторые исследования, проведенные как в России, так и за рубежом, подтверждают, что выходцы из бизнеса склонны использовать мандат в своих деловых интересах [Chaisty 2013b; Witko, Friedman 2008]. Следует добавить, что не только связи с политиками и чиновниками, приобретенные в период исполнения депутатских полномочий, но и знание политического процесса, полученное в ходе работы в законодательном органе, может быть полезным для бизнеса в плане защиты и продвижения своих интересов в органах государственной власти. Впрочем, интерес бизнесменов к членству в законодательном органе не исчерпывается своей материальной, лоббистской составляющей. Для них может быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты ГД, особенно учитывая то, что накопление капитала в постсоветский период часто происходило с нарушением законов. Кроме того, для капиталистов могут быть значимы престиж, связанный с должностью депутата, и мотивы самореализации в политике. Наконец, неудачи в коммерческой деятельности могут побуждать бизнесменов к тому, чтобы переходить в профессиональную политику, избираться в парламент, тем более что зарплата депутатов довольно высока (см.: [Сколько платят... 2016]).

Тем не менее не следует переоценивать заинтересованность бизнесменов, особенно крупных предпринимателей и высших менеджеров ведущих фирм, избираться в ГД. Российский парламент в целом является слабым, маловлиятельным органом, занимаю-

щим второстепенное место в политической системе. И руководители крупных предприятий, нередко имеющие прямой доступ к представителям исполнительной власти, могут не проявлять интереса к депутатскому мандату. Кроме того, многие бизнесмены вообще избегают публичности, придерживаясь принципа «деньги любят тишину». Для того чтобы иметь представительство в законодательстве, бизнесменам необязательно самим избираться туда: они могут финансировать кампании других депутатов или просто подкупать их. Тем не менее всегда есть опасность измены таких ставленников, когда они отказываются по разным причинам от выполнения взятых на себя обязательств, так что личное присутствие в парламенте может быть более надежным выбором. Наконец, нужно принимать во внимание и институциональный дизайн федерального парламента: согласно законодательству, депутат ГД должен работать на постоянной профессиональной основе и его статус несовместим с членством в органах управления коммерческими структурами. Однако высшим менеджерам крупных компаний такая смена работы, такой переход из бизнеса в политику обычно невыгоден, так как может означать утрату как контроля над капиталом, так и весомой доли доходов. В этом, кстати, отличие ГД от большинства законодательств субъектов РФ, в которых значительная часть или даже большинство депутатов может работать на непрофессиональной основе, совмещая законодательную деятельность с руководством бизнесом (см.: [Парламенты субъектов... 2017]).

В той мере, в какой бизнесмены заинтересованы в избрании в ГД, они способны мобилизовать для этого различные ресурсы. Основным ресурсом, который они могут использовать для успешной избирательной кампании (как при пропорциональной, так и при мажоритарной системе выборов) являются, конечно, финансовые средства. От доступа к ним, несмотря на систему государственного финансирования, существенно зависят российские политические партии [Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2010; Hutcheson 2012]. В частности, в 2011 г., когда была избрана ГД шестого созыва, пожертвования (прежде всего юридических лиц) составили основную массу денежных средств, поступивших на осуществление уставной деятельности у четырех партий, представленных в ниж-

ней палате парламента (см.: [Сводный финансовый отчет... «Единая Россия» 2011; Сводный финансовый отчет... КПРФ 2011; Сводный финансовый отчет... ЛДПР 2011; Сводный финансовый отчет... Справедливая Россия 2011]). Говоря о политических ресурсах бизнеса, нельзя не упомянуть и средства массовой информации, которыми нередко владеют предприниматели. Кроме того, что под властью бизнесменов находятся более или менее крупные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте создает благоприятные возможности для оказания политического влияния со стороны работодателя (агитация в стенах предприятия, организованный подвоз работников на избирательные участки, их принуждение к фотографированию «правильно» заполненного бюллетеня и пр.) (см., напр.: [Golosov 2013: 477]). Наконец, главы крупнейших фирм, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своем балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают структурной властью. Зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких фирм облегчает их руководству представление своих частных интересов как всеобщих, что способствует эффективной предвыборной агитации. В то же время многообразно зависимые от капитала региональные и местные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Из каких сегментов бизнеса рекрутируются депутаты, каковы размер, форма собственности и отраслевая принадлежность бизнеса, представленного в ГД шестого созыва? Наиболее интересным представляется вопрос о степени присутствия крупного по общероссийским меркам капитала в ГД и в связи с этим о том, насколько распространены переплетения экономической и политической (думской) элит России. Связь депутата с крупным капиталом может определяться по-разному. В нашем исследовании под его представителями понимались, во-первых, парламентарии, которые на момент избрания в шестой созыв парламента занимали ключевые должности в компаниях, входивших в список крупнейших по версии журнала «Эксперт», или контролируемых этими компаниями фирмах, а также в коммерческих структурах, являвшихся крупны-

ми акционерами (участниками) указанных компаний. Во-вторых, к числу представителей крупного бизнеса были отнесены депутаты, которые на момент избрания или в период членства в ГД шестого созыва были крупными совладельцами компаний, входящих в рейтинг журнала «Эксперт». Наконец, учитывались также и законодатели, входившие в список богатейших бизнесменов России по версии Forbes в 2011–2016 гг., то есть перед избранием или во время работы в ГД шестого созыва.

Таким критериям соответствуют примерно 4 % депутатов. Почти все они состоят во фракции «партии власти», лишь один принадлежит к фракции «Справедливой России». Следует отметить, что переходы с ключевых должностей в крупнейших компаниях или контролирурующих их холдингах в ГД шестого созыва очень редки (их всего два) и ограничиваются высшими менеджерами, которые принадлежат к семьям, владеющим соответствующими коммерческими структурами, и поэтому могут, по-видимому, легко вернуться на прежние позиции в случае прекращения депутатских полномочий. Чаще будущие депутаты работали на ключевых должностях не в самих крупнейших компаниях, а на предприятиях, в которых такие компании (например, «Газпром», холдинг «Россети», «КАМАЗ», «Татнефть», «Глобэкс-банк») являются контролирующими акционерами. В принципе список депутатов, тесно связанных с крупным капиталом, можно расширить за счет персон, которые на перед избранием в ГД шестого созыва были не высшими руководителями, а менеджерами среднего звена, советниками руководства и специалистами в указанных коммерческих организациях (примерно 1 % депутатов). Также можно включить в этот список и депутатов, которые не принадлежат к названным категориям, но имеют родственников, владеющих крупнейшими фирмами (по версии «Эксперт») и/или входят в рейтинг богатейших бизнесменов России по версии Forbes. При такой трактовке представителей крупного капитала к ним относятся примерно 6 % депутатов, часть из которых (около 3 % депутатов) на момент избрания или во время членства в ГД шестого созыва входила в экономическую элиту общероссийского уровня. Стоит напомнить, что, как показало исследование экономической элиты РФ 2014 г.,

3 % ее членов в разное время работали в ГД [Тев 2016б: 98]. Так что персональные переплетения экономической и политической элит России существуют, хотя и не велики.

Касаясь других характеристик бизнеса, представленного в ГД шестого созыва, следует сказать о форме собственности компаний, выходцы из которых заседают в парламенте. Среди законодателей немного прямых выходцев с ключевых должностей в фирмах, где государство или органы муниципальной власти (и подконтрольные им структуры) являются крупнейшим или единственным владельцем. В основном в ГД заседают выходцы из частных коммерческих структур.

Наконец, каковы отраслевые характеристики бизнеса, представленного в законодательном органе? Подробный анализ отраслевой структуры бизнеса, присутствующего в нижней палате парламента первых пяти созывов, а также во фракции ЕР в ГД шестого созыва, провел П. Чейсти [Chaisty 2013a; Chaisty 2013b]. Он показал, что наибольшую долю депутатов в ГД последних нескольких созывов составляла обрабатывающая промышленность, доля законодателей, связанных с сельским хозяйством, значительна, но сокращается, а выходцев из строительного и торгового секторов экономики, напротив, становится больше [Chaisty 2013a: 10; Chaisty 2013b: 724]. В нашем исследовании не ставилась задача такого же исчерпывающего анализа. Определить отраслевую принадлежность бизнеса, с которым связаны депутаты, не всегда просто: по многим компаниям нет достоверной информации, а кроме того, некоторые парламентарии перед избранием имели существенные деловые интересы сразу в нескольких отраслях (например, владея и управляя многопрофильными холдингами). Однако можно сделать некоторые замечания относительно отраслевой принадлежности тех фирм, в которых депутаты перед вхождением в шестой созыв работали на ключевых должностях или, по данным, опубликованным ЦИК накануне выборов 2011 г. (а также более поздней информации), были крупными совладельцами (акционерами, участниками). В частности, здесь проявляются различия между фракциями. Во фракции ЕР, по сравнению с другими фракциями, гораздо шире представлена промышленность: пищевая, машиностроительная, добываю-

щая, металлургическая. Однако немало ее членов связаны с таким сегментом бизнеса, как девелопмент, строительство, недвижимость. Этот сектор, активно присутствующий во многих местных и региональных легислатурах [Тев 2012: 69; Тев 2013: 86–87] и сильно зависимый от властей, является одним из наиболее широко представленных во фракциях ЛДПР, СР и КПРФ (правда, если в некоторых случаях соответствующие фирмы являются основой бизнеса депутатов, то в других — лишь одной из его составляющих, нередко второстепенной).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что профессионализация — важнейшая тенденция рекрутирования федеральной политической (думской) и особенно административной элит, выходцы из бизнеса существенно представлены в их составе. Плутократическое рекрутирование наиболее характерно для политической элиты, которая интегрирована с экономически господствующим классом в более высокой степени, чем законодательные элиты большинства европейских стран. Примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых позициях в экономических структурах в постсоветский период, причем почти треть парламентариев находилась на них на момент первого избрания в Госдуму и примерно каждый шестой — перед вхождением в ее шестой созыв. В свою очередь, административная элита является более профессионализированной, более обособленной и автономной от бизнеса в плане источников рекрутирования. В ее случае плутократизация имеет более низкий уровень и носит более косвенный характер: хотя без малого треть администраторов занимала ключевые позиции в экономических структурах после 1991 г., лишь небольшое меньшинство находилось на них на момент вхождения, как в первую элитную, так и в нынешнюю должность. Выходцы из бизнеса имеют более широкий и прямой доступ во второстепенную и оказывающую слабое влияние на государственную политику парламентскую элиту, чем в федеральную административную элиту, которая сосредоточивает в своих руках основную власть. Возможно, эти различия в плутократизации отчасти связаны с различиями в способе рекрутирова-

ния этих властных групп. В сравнении с почти целиком (кроме президента РФ) назначаемой административной элитой, думская элита рекрутируется посредством всеобщих выборов. Такой механизм рекрутирования (при всем административном контроле над выборами в России), вероятно, делает процесс формирования парламентской элиты менее автономным и более зависимым от «общества», наиболее влиятельным сегментом которого (особенно при слабо развитой политической сознательности и организованности экономически подчиненных классов) является бизнес.

Говоря о плутократизации федеральной политико-административной элиты, нельзя не упомянуть и о заметных различиях между внутриэлитными сегментами. Так, внутри политической элиты фракция ЕР, ЛДПР и СР по своему составу более плутократичны, чем фракция КПРФ. Среди административной элиты членам правительства в большей степени свойственна плутократизация, чем чиновникам администрации президента (в которой мало должностей, ответственных за экономику), а руководству экономических министерств больше, чем представителям социальных и силовых ведомств. Впрочем, неоднородность характерна не только для политико-административной элиты, разделенной по разным признакам (таким как партийность и принадлежность к тем или иным органам власти), но и для бизнес-сообщества. И в этой связи особенно интересен вопрос о том, в какой мере на ключевых политико-административных позициях присутствуют выходцы из крупного по общероссийским меркам бизнеса, из экономической элиты страны. Исследование показало, что хотя такого рода межфракционные элитные переходы и переплетения имеют место, лишь небольшое меньшинство федеральных политиков и администраторов являются выходцами из среды топ-менеджеров крупнейших компаний и богатейших бизнесменов.

Довольно значительное присутствие в составе политико-административной элиты, прежде всего федерального депутатского корпуса, персон с опытом работы на ключевых постах в бизнесе, с одной стороны, может быть связано с «кумовским» характером российского капитализма, при котором политические связи являются важнейшим условием успешного накопления капитала.

С другой стороны, плутократизация властных групп может существенно сказываться на характере проводимой ими политики. Прежде всего речь идет о привилегированном положении и преимущественном учете интересов бизнеса в ущерб интересам других социально-экономических групп, слабо представленных во властных группах, даже в избираемой населением политической элите. Такая политическая предвзятость тем более вероятна, что в России распространены и другие формы связи политико-административной элиты с миром бизнеса: в частности, многие чиновники и депутаты после окончания полномочий уходят в коммерческие структуры, у значительной их части бизнесом занимаются родственники, некоторые высокопоставленные администраторы заседают в советах директоров крупных компаний в качестве представителей государства. Учитывая многообразные формы, в которых политико-административная элита переплетена с бизнесом, с имущим, экономически господствующим классом (а также значительную структурную власть капитала), вряд ли стоит удивляться, например, тому, что государственная власть в России не прилагает серьезных усилий для смягчения громадного социального неравенства, в частности упорно сохраняя плоскую шкалу подоходного налогообложения.

Литература и источники

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 12.06.2016).

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.

Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18.html> (дата обращения: 06.03.2014).

Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России:

между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 87–120.

Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элиты в России: 1998–2002 // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 17–49.

Парламенты субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламенты_субъектов_Российской_Федерации (дата обращения: 11.09.2017).

Ролдугин О. Как и за сколько можно стать министром // Собеседник. 10.05.2007. URL: http://www.compromat.ru/page_20692.htm (дата обращения: 09.12.2015).

Сводный финансовый отчет политической партии. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Партия «Единая Россия») за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия Справедливая Россия за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сколько платят депутатам в Европе и в России. URL: <http://ru.euronews.com/2016/04/12/who-are-the-best-paid-mps-in-the-eu> (дата обращения: 17.12.2016)

Тев Д.Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 74–90.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (дата обращения: 09.01.2018).

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы

институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016а. № 4. С. 115–130.

Тев Д.Б. Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере // Политика. 2016б. № 2 (81). С. 89–108.

Химшиашвили П. «Кабинет миллиардеров»: кого Трамп позвал работать в Белый дом // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2017/586fa22a9a794779a5a5ec02> (дата обращения: 07.05.2018).

Шлейнов Р. 13. «Газпром» в окружении приятелей и родственников премьер-министра России // Новая газета. 23.12.2009 (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/12/23/39858-13> (дата обращения: 17.03.2018).

Шлейнов Р. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд. руб. // Ведомости. 20.12.2010. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (дата обращения: 20.12.2010).

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. L.: Frank Cass Publishers, 2003. P. 191–212.

Best H. New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9–13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (дата обращения: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s // Journal of Legislative Studies. 2001. № 7 (3). P. 65–91.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship // Comparative Politics. 1989. № 21 (4). P. 379–403.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // Legislative Studies Quarterly. 2012. № 37 (1). P. 5–34.

Chaisty P. The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma // Russian analytical digest. 2013а. № 127. P. 8–12.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013б. № 65 (4). P. 717–736.

Domhoff W.G. Who Rules America? Power, Politics, and Social Change. Fifth edition. New York: McGraw-Hill, 2006.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation // *The Journal of Politics*. 1974. № 36 (4). P. 900–925.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials // *Journal of Management Inquiry*. 2008. № 17 (3). P. 157–161.

Faccio M. Politically Connected Firms // *The American Economic Review*. 2006. № 96 (1). P. 369–386.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // *Social Problems*. 1975. № 23 (2). P. 137–152.

Gill G. Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. № 21 (4). P. 459–480.

Hartmann M. Elites and Power Structure // *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* / ed. by S. Immerfall, G. Therborn. Berlin; New York: Springer, 2010. P. 291–323.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. № 43 (4). P. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites // *Russian Politics from Lenin to Putin* / ed. by S.P. Fortescue. L.: Palgrave Macmillan. 2010. P. 185–204.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 267–282.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995.

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender // *The Western Political Quarterly*. 1994. № 44 (1). P. 173–184.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1984. № 9 (4). P. 547–585.

Miller M.C. The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Norris P., Lovenduski J. Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries->

where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet
(дата обращения: 15.05.2014).

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Rouban L. The Senior Civil Service in France // Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials / ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // Comparative Sociology. 2011. № 10 (6). P. 908–927.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis // Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation / ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. L.; N.Y.: Routledge, 2014. P. 284–307.

Thiebault J.-L. The Social Background of Western European Ministers // The Profession of Government Minister in Western Europe / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. N.Y.: St. Martin's Press, 1991. P. 19–30.

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? // Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence / ed. by M. Cotta, H. Best. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 353–389.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law 'on political parties' made a difference? // Europe-Asia Studies. 2007. № 59 (7). P. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // Congress & the Presidency. 2008. № 35 (1). P. 71–86.

BUSINESS AS A SOURCE OF RECRUITMENT OF THE FEDERAL ADMINISTRATIVE AND POLITICAL ELITE OF RUSSIA

D. Tev

Abstracts. *The article analyzes the role of business as a source of recruitment of the federal administrative and political elites of Russia. The empirical basis for the study is the database of the federal administrative elite, which includes 575 persons (the president, key figures in his administration, federal executive bodies and the government apparatus), and the database of the deputies of the State Duma of the sixth convocation (532 persons in total). People from business (persons who had post-Soviet experience in key positions in commercial structures) are significantly represented among federal politicians and administrators. Plutocratic recruitment is most characteristic of the political elite, which is more closely integrated with the economically dominant class than the legislative elites of most European countries. In turn, the administrative elite is more professionalized, more isolated and autonomous from business in terms of sources of recruitment; its plutocratization has a lower level and a more indirect character. In general, natives of business have much broader and direct access to a secondary and less influencing to state policy parliamentary elite than to the administrative elite, which concentrates the main power in its hands. At the same time, the differences between the intra-elite segments are significant: the level of plutocratization of the fractions of United Russia, Just Russia and the LDPR is higher than the CPRF, and the government is higher than the presidential administration. The study showed that only a small minority of federal politicians and administrators came out of the top-managers of the largest companies and the richest businessmen of the country, that is, the economic elite of the all-Russian level. A significant presence in the political-administrative elite, above all, the deputy corps, people with the working experience in key positions in business, on the one hand, may be, in part, due to the "crony" character of Russian capitalism, in which political ties are the most important condition for the successful accumulation of capital. On the other hand, plutocratization of power groups can have a significant impact on the nature of their policies, making*

it preferable to take into account the interests of business to the detriment of the interests of other socioeconomic groups that are poorly represented in the elite.

Keywords: *federal administrative elite, federal political elite, business, recruitment, State Duma, government, presidential administration, plutocratization.*

References

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, pp. 191–212.

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9–13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship, *Comparative Politics*, 1989, 21 (4), pp. 379–403.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013a, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013b, 65 (4), pp. 717–736.

Domhoff W.G. *Who Rules America? Power, Politics, and Social Change*. Fifth edition. New York: McGraw-Hill, 2006.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials, *Journal of Management Inquiry*, 2008, 17 (3), pp. 157–161.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskii korpus sovremennoi Rossii [The parliamentary body of modern Russia], in: *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [The political class in modern society]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: ROSSPEN, 2012, pp. 113–142. (In Russian).

Gill G. *Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Hartmann M. Elites and Power Structure, *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010, pp. 291–323.

Himshiasvili P. «Kabinet milliarderov»: kogo Tramp pozval rabotat' v Belyj dom [“The Cabinet of Billionaires”: whom Trump called to work in the White House]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2017/586fa22a9a794779a5a5ec02> (available: 07.05.2018). (In Russian)

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by Fortescue S.P. London: Palgrave Macmillan. 2010, pp. 185–204.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Korguniuk Iu.G. Finansirovanie partii v postsovetskoj Rossii: mezhdubiznesom i vlast'iu. [Financing of parties in post-Soviet Russia: between business and power]. *Politiia* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2010, 3–4 (58–59), pp. 87–120. (In Russian).

Kryshtanovskaja O.V. Transformacija biznes-jelity v Rossii: 1998–2002 [Transformation of business elite in Russia: 1998–2002], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2002, 8, pp. 17–49. (In Russian).

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender, *The Western Political Quarterly*, 1994, 44 (1), pp. 173–184.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*, Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Parlamenty sub'ektov Rossijskoj Federacii [Parliaments of subjects of the Russian Federation]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламенты_субъектов_Российской_Федерации (available: 11.09.2017). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Roldugin O. Kak i za skol'ko mozžno stat' ministrom [How and for how much you can become a minister], *Sobesednik*. URL: http://www.comprostat.ru/page_20692.htm (available: 09.12.2015). (In Russian).

Rouban L. The Senior Civil Service in France. In: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis. In: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London; New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shlejnov R. 13«Gazprom» v okruzhenii prijatelej i rodstvennikov prem'era ministra Rossii [Gazprom, surrounded by friends and relatives of the Prime Minister of Russia], *Novaja gazeta*. 23.12.2009 (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/12/23/39858-13>) (available: 17.03.2018). (In Russian)

Shlejnov R. Kto i pochemu pozhertvoval «Edinoj Rossii» 6 mlrd. rub. [Who and why donate to “United Russia” 6 billion. Rub.], *Vedomosti*. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (available: 20.12.2010). (In Russian)

Skol'ko platjat deputatam v Evrope i v Rossii [How much do deputies pay in Europe and in Russia]. (2016) URL: <http://ru.euronews.com/2016/04/12/who-are-the-best-paid-mps-in-the-eu> (available: 17.12.2016).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia «Kommunisticheskaia partiia Rossijskoj Federatsii» (KPRF) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party “Communist Party of the Russian Federation” (KPRF) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia «Liberal'no-demokraticeskaja partiia Rossii» (LDPR) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political Party “Liberal Democratic Party of Russia” (LDPR) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia Spravedlivaia Rossiia za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party A Just Russia in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Vserossijskaia politicheskaia partiia «Edinaia Rossiia» (Partiia «Edinaia Rossiia») za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. All-Russian political party “United Russia” (The party “United Russia”) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Tev D.B. Regional'nyj deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'nyj analiz bassejna rekrutirovanija parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR [The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminara «Sociologičeskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii» [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia’s transformation]*. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 52–75. (In Russian)

Tev D.B. Gorodskie Dumy krupnejshih regional'nyh stolic: osnovnye karakteristiki i tendencii izmenenija bassejna rekrutirovanija deputatov [City councils of the largest regional capitals: the main characteristics and trends in the recruitment pool of deputies], *POLITEX*, 2013, 9 (3), pp. 74–90. (In Russian)

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovanija. [Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment], *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, 2016a, 4, pp. 115–130. (In Russian)

Tev D.B. Jekonomičeskaja jelita RF: opyt raboty v politiko-administrativnoj sfere [Economic elite of Russian Federation: work experience in the political-

administrative sphere], *Politija* [*The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*], 2016b, 2 (81), pp. 89–108. (In Russian)

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF VI sozyva: social'no-professional'nye istochniki rekrutirovanija [Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VI convocation: social and professional sources of recruitment]. *Jekonomicheskaja sociologija* [*Economic Sociology*], 2017, 18 (5), pp. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (available: 09.01.2018). (In Russian)

Thiebault J.-L. The Social Background of Western European Ministers. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. New York: St. Martin's Press, 1991, pp. 19–30.

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Ed. by M. Cotta, H. Best. Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Volkova O. *Uchenye nazvali politicheskie sviazi glavnyim istochnikom bogatstva v Rossii* [*Scientists qualify the political ties as main source of wealth in Russia*]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (available: 12.06.2016). (In Russian)

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaja O.V. Rossijskij isteblishment: puti i metody obnovlenija [The Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [*Polis. Political Studies*], 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law 'on political parties' made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

Zudin A. Gosudarstvo i biznes v Rossii: jevoljucija modeli vzaimootnoshenij [The state and business in Russia: the evolution of the relationship model], *Neprikosnovennyj zapas* [*Reserve stock*], 2006, 6 (50). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18.html> (available: 06.03.2014). (In Russian)